

ГЛАВА 1

Петя Шемякин, корреспондент газеты «Наш район», вбежал в неудобный подъезд и с силой стряхнул с себя капли. На улице шел дождь, и подъезд пах мокрыми кошками. Петя вызвал лифт и стал притопывать от нетерпения. У него был пугающий темперамент — Петя ни секунды не сидел на месте, а если уж сидел, то постоянно вертелся, словно каждый предложенный ему стул кишел муравьями.

— Я вышел на интересную тему! — сказал он заму главного, натягивая куртку. — Нужна дополнительная информация. Сбегаю навещу одну девицу, тут недалеко. Надеюсь, эта штучка никуда не ушла!

«Штучка» никуда и не собиралась уходить. Она сидела на кухне, пила чай с баранками и смотрела в окно. На улице было ненастно: ветер трепал деревья, а серое небо провисло, как старый тент. Отличное воскресенье! Под стать ее настроению.

На полу перед холодильником лежала кучка вещей, оставленных любимым мужчиной. Три недели назад он сообщил, что уезжает в командировку, и все это время не подавал о себе вестей. А вчера вечером выяснилось, что Калашников давно вернулся в Москву и живет как ни в чем не бывало.

Вещи, которые он у нее оставил, на проверку оказались бараклом — зубная щетка, заношенная рубашка, исписанный блокнот... Вероятно, они были призваны просто отвлечь ее внимание.

«Если бы я вышла замуж сразу после окончания школы, — с тоской думала Наташа, — и родила дочку, ей сейчас было бы четырнадцать лет». В прошлые выходные мама заявила, что вполне готова стать бабушкой.

— Надеюсь, ты не собираешься с этим тянуть! — строго сказала мать и погрозила Наташе наманикюренным пальцем.

При этих словах ее третий муж показал лошадиные зубы. Он был твердо уверен, что никаких внуков свободолюбивая Карина нянчить не станет и его вольготному существованию ничто не грозит.

— Твоя интимная жизнь состоит из одних драм! — напоследок попеняла ей мама.

У нее самой на личном фронте был полный порядок. Поклонники ходили ровными шеренгами, и она выкликала их из строя по мере необходимости.

Наташа вздохнула и пошевелила носком тапочки лежавшую на полу рубашку. И в этот момент раздался звонок в дверь. Она прижала руку к груди — сердце застучало сильно и громко. Вдруг это он, Калашников? Бабочкой подлетела к двери и припала к «глазку». На лестничной площадке стоял ее школьный приятель Петя Шемякин и суетливо подергивался.

— Привет, — проямлила Наташа, отворив дверь. — Заходи, Петь. Чаю хочешь?

Шемякин хотел всего сразу — чаю, баранок, конфет «Мишка косолапый» белорусского произ-

водства под интригующим названием «Ведмедик клешчаногий», засохшей пастилы и кабачковой икры с черным хлебом.

— Я, собственно, заскочил узнать, что ты об этом думаешь! — объяснил он, сыто облизываясь.

— О чем? — вяло спросила Наташа.

Шемякин мог иметь в виду все, что угодно: плохую погоду, трагическую судьбу русской версии мюзикла «Чикаго» или американо-израильско-палестинскую встречу в городе Акаба.

— Об убийствах, — коротко ответил он и громко позвенел ложечкой в чашке.

Наташа нахмурилась. Она не любила страшных историй, никогда не смотрела передач о чрезвычайных происшествиях в городе и зажмурилась, когда попадалась кровавая сцена в кино. Шемякин отлично это знал. С чего он вдруг решил, что она станет обсуждать с ним какие-то убийства?

— А кого убили? — тем не менее спросила она.

— Ты что, ничего не знаешь? — Петя вскинул голову и посмотрел на нее круглыми глазами, полными творческого ужаса. — То есть вообще ничего? И милиция к тебе не приходила?

— Нет, — пробормотала Наташа и испугалась уже по-настоящему. — Зачем мне милиция? Говори толком: что случилось?

— Тут у нас такое делается! Я имею в виду — в нашем районе.

Петя полез во внутренний карман, добыл оттуда сложенный кусок карты, развернул и положил на стол так, чтобы Наташе было удобно смотреть.

— Четыре дня назад вот на этой улице в подъезде убили женщину. Пырнули ножом в живот.

— И что? — спросила Наташа, вглядываясь в квадратики, изображавшие дома.

— А еще через два дня вот тут, недалеко от тебя, буквально в квартале, убили еще одну женщину. Ее нашли в палисаднике соседи. Тоже ножом и тоже в живот.

— Ну? — снова спросила Наташа, чувствуя, что в желудке воцаряется арктический холод.

Петя посмотрел на нее с победным видом и сообщил:

— И одну и вторую звали Наташей Смирновой. Как тебя!

— Боже мой...

— Я провел журналистское расследование, — тарыхтел Петя. — Ни одной Наташи Смирновой на прилегающей территории больше не проживает. Кроме тебя! Поэтому у меня на твой счет возникли опасения. На тебя никто не покушался?

— Вроде бы нет...

— Плохо.

— Но что же мне делать? — дрожащим голосом спросила Наташа, немедленно почувствовав себя приговоренной к смерти.

— Понятия не имею! — весело отозвался ее гость и жадно отхлебнул из кружки. — Я думал, у тебя уже милиция побывала. Расспрашивали, строили предположения... Это ведь не может быть совпадением, правда? Наверное, какого-нибудь ма-ньяка заклинило на Наташах Смирновых. Тебе бы надо поостеречься, дорогая моя! Кстати, тебе ничего на ум не приходит? Может быть, ты сама виновата? Какой-нибудь отвергнутый поклонник, а?

Единственным отвергнутым поклонником в

жизни Наташи был сам Петя Шемякин. Впрочем, все случилось так давно, что не заслуживало даже упоминания.

— Что, если не ты, а другая, неведомая Наташа Смирнова разбила кому-то сердце? А теперь этот кто-то свихнулся и мстит? Задумал порешить всех Наташ Смирновых, которых ему удастся обнаружить в зоне своего проживания! Вот что я тебе посоветую: не выходи пока из дома. Возьми больничный.

— Мне не дадут! — простонала Наташа, хватаясь за голову. — У меня даже температуры нет.

— А ты отравись чем-нибудь, — посоветовал Петя. — В крайнем случае сгрызи карандашный грифель. Знаешь, как тебе сразу плохо станет?

Симулировать Наташа не могла. Всего неделю назад фирму возглавил новый начальник, который торжественно заявил, что больничный лист и менеджер по продажам несовместимы. Ей вовсе не улыбалось потерять работу. Но и рисковать жизнью тоже не хотелось!

Едва Шемякин, попросив держать его в курсе, убрался восвояси, она кинулась к телефону. Кому звонить? Мама со своим мужем уехала путешествовать, Игорь ее бросил... Разве что попросить совета у подруги? Звание ее лучшей подруги вот уже много лет гордо несла по жизни Ольга Кушакова. Она всегда была готова утешить, помочь советом и даже личным примером.

— Убили двух Наташ Смирновых? — переспросила она испуганно. — И ты осталась последняя во всем районе? Нет, радость моя, тебе не стоит выходить из дому одной. Даже на работу! Вот что: я тебе

завтра Михалыча пришлю, он тебя до места службы под ручку доведет. К нему с ножом не сунешься!

Ольга занимала высокий пост директора агентства по трудоустройству и имела в подчинении нескольких сотрудников, готовых ради нее на маленький подвиг. Михалыч, оказавшийся молодым мордастым парнем, действительно с раннего утра заявился к Наташе домой и теперь перетаптывался в коридоре, дожидаясь, пока она закончит собираться.

Полночи бедная Наталья размышляла, как себя обезопасить. Конечно, провожатый — это хорошо. Он поведет ее под ручку. Но кто помешает маньяку подойти к ней с другой стороны, размахнуться и... Она решила, что на живот нужно надеть что-нибудь вроде кольчуги. Какую-нибудь пластину, которую невозможно пробить ножом. В качестве эксперимента она прибинтовала к телу «тефалевскую» форму для торта, но при ходьбе та сбивалась на сторону и в конце концов проваливалась в брюки. Кроме того, принять сидячее положение с этой формой было совершенно невозможно.

Тогда она решила остановиться на маленькой диванной подушке. Пришила к ней тесемки, завязала их бантиком на спине и надела сверху широкую рубашку, сразу сделавшись похожей на будущую мать. В связи с этим ее появление на работе получилось триумфальным. Сотрудницы ахали и шептались. Сотрудники не ахали, но тоже шептались и стайками тянулись на лестницу курить.

— Наталья, как тебе это удалось? — драматическим шепотом спросила секретарша Мадина, спустя некоторое время подсев к ее столу. — В пят-

ницу еще ничего не было заметно, а сегодня — пожалуйста!

— Ну... — проямлила Наташа. — Я не знаю... Как-то так получилось...

— Эх, да что там говорить! Это всегда получается «как-то так»! — поддакнула Мадина и тут же ойкнув, вскочила на ноги. — К тебе клиент. Вон он, гляди: некий Негодько. С самого утра тут, все о тебе спрашивал.

Наташа обернулась и увидела жуткого мужика: широкого, как дверь, с большой головой и плоским лицом. Его темные глазки были вдавлены в одутловатое лицо, как изюмины в подошедшее тесто.

— Почему *это* — ко мне? — дрожащим голосом переспросила она.

— Ему тебя порекомендовали! — похлопала ее по руке Мадина и встала. — Хочу, говорит, иметь дело только с Натальей Смирновой, с ней одной. Так что — трудись.

Негодько тяжелой поступью прошел через весь зал и неожиданно тихим, вкрадчивым голосом спросил:

— Наташа Смирнова? — И полез одной рукой в карман пиджака.

— Нет-нет! — воскликнула она с невероятной горячностью. — Наташа Смирнова с сегодняшнего дня в отпуске. А я ее замещаю. Я — это не она!

— А кто? — невероятно удивился Негодько.

— Серохвостова, — быстро сказала Наташа. — Фекла Валерьяновна.

— Безобразие, — рассердился клиент, развернулся и потопал обратно. Распахнул дверь в приемную и громко сказал Мадине: — Я тут столько вре-

мни жду Наталью Смирнову, а вы мне подсовываете непонятно кого!

Мадина вскочила, выглянула из-за его плеча в зал и спросила:

— Как — непонятно кого? А это, по-вашему, кто? — и кивнула на Наташу.

— Конечно, Серохвостова. Будто бы вы не в курсе!

— Ну да! — сказала Мадина. — Кто вам сказал?

— Она сама и сказала.

— Кто?

— Да Фекла Валерьяновна же! Серохвостова.

— С ума сойти, — пробормотала Мадина, пытаясь понять, что за знаки подает ей Наталья. — Тогда вам, пожалуй, лучше поговорить с нашим заместителем. Сюда, прошу вас.

Негодько удалился, гневно оглядываясь, и не успела Наташа перевести дух, как на горизонте появился начальник отдела Ефим Коростылев — самец крупный и при этом, как говорят зоологи, ярко окрашенный.

— М-м... — пробормотал он, остановившись возле ее стола. — Все нормально?

— Ну да, — ответила Наташа, размышляя, идти ли ей обедать или попросить кого-нибудь принести пару булочек из кафе напротив.

— А почему ты такая... бледная?

— У меня, видишь ли, проблемы. Сижу, думаю, что делать.

— Я могу помочь? — спросил Коростылев, быстро окидывая ее взглядом.

— В общем, да. — Наташа подняла голову и прищурила один глаз.

«Почему бы не попросить у босса отпуск?» — подумала она и добавила:

— Ты просто обязан мне помочь. Я как раз собиралась к тебе... с важным разговором.

Коростылев моргнул и предложил:

— Заходи минут через пятнадцать.

— Ладно, — ответила Наташа, не заметив, как изменилось выражение его лица.

Войдя в свой кабинет, Коростылев бросил папку на стол и схватился за телефон.

— Алло! Леонид? — придушенным голосом спросил он. — Леонид, ты помнишь, у нас в марте была корпоративная вечеринка? Я не знаю, по какому поводу! Да, да, именно та самая. Я выпил тогда лишнего и, кажется, задержался... сверх меры. Я ведь оставался на этаже не один? М-м... Так-так. Значит, Наталья Смирнова... М-м... Весь вечер за ней волочился? Распускал руки... Понимаю. — Он потер лоб и пробормотал: — И что это на меня нашло? Да нет, все нормально. Хорошо-хорошо.

Он бросил трубку, свалился в кресло и едва не расплющил тяжелым взглядом часы на противоположной стене. Когда Наташа постучала и вошла, он, однако, приосанился и попытался беззаботно улыбнуться.

— Садись, садись, — сказал он и глупо добавил: — Чувствуй себя как дома. Догадываюсь, что ты хотела поговорить со мной о... гм... своем положении.

Он замолчал и стал притопывать под столом ногой, словно горячий конь, загнанный в стойло. Наташа, голова которой была занята только убий-

цей, разгуливающим по району, удивленно спросила:

— Откуда ты знаешь о моем положении?

— Все уже знают, — раздраженно отмахнулся он и, не дав ей сообразить, в чем дело, быстро спросил: — Давай конкретно — чего ты хочешь? Только не забудь, что у меня большая дружная семья. Жена, дети...

— Ты что, Ефим, подумал, что я попрошу тебя повсюду меня сопровождать? — удивилась Наташа. — Да мне бы и в голову не пришло подставлять тебя под удар!

— Вот спасибо, — криво улыбнулся тот. — Так чего ты от меня хочешь?

— Хочу, чтобы ты дал мне отпуск, — быстро нашлась она. — Иначе придется постоянно ходить на работу вот с этим, — она похлопала себя ладонью по подушке. — И, естественно, рассказать всем коллегам, откуда это взялось. Они же будут спрашивать!

— Ну... Зачем ты так? — пробормотал Ефим. — Сразу рассказывать! Отпуск так отпуск. Я сейчас сам спущусь в бухгалтерию. Еще выпишем тебе материальную помощь. Не надо ничего никому рассказывать!

— Вообще-то ты прав, — согласилась Наташа. — Не буду. Это страшная история. Женщины испугаются...

— Ну уж прямо так и испугаются, — пробормотал оскорбленный Ефим. — Это же все происходило... не насильно.

— А как?! — вскричала Наташа. — По-твоему, добровольно?!

Потрясенный Ефим закрыл глаза и дал себе клятву: с сослуживцами не пить. Бокал шампанского — максимум.

— Ладно-ладно, — трусливо ответил он. — Получишь деньги — и можешь идти. В отпуск. Оформим его с понедельника. Я сам все улажу.

* * *

Вместо того чтобы ехать домой, Наташа отправилась к Ольге и без стука ввалилась в ее служебный кабинет. Та уже собиралась уходить и гремела ключами.

— Боже мой! — воскликнула она, увидев подругу с животом странной формы. — Что там у тебя — коробка с многолетними сбережениями?

— Не смейся, — выдавила из себя Наташа. — Я приехала к тебе прятаться.

— Ну хорошо, — согласилась Ольга. — Прячься. Только — чур! — не здесь. Поедем лучше ко мне. Моя младшая сестрица совсем расклеилась, ее без присмотра оставлять нельзя.

— А что такое?

— Ухо где-то простудила. Третий день рыдает.

— Так болит? — сочувственно спросила Наташа.

— Да нет. Просто у нее срывается какое-то офигительное свидание. Кстати, как прошел день? Никто не бегал за тобой с ножом?

— Ты говоришь так, как будто не веришь в грозящую мне опасность.

— Еще как верю! — возразила Ольга. — Вот во что я верю, так это в опасность. Опасность сейчас повсюду. А в вашем районе постоянно происходят

какие-то ужасы. Ты слышала, что неподалеку от твоего дома исчезла жена крупного предпринимателя? Выскочила в супермаркет за сигаретами — и ку-ку. Правда, было уже довольно поздно, темно. Но курево — это такое дело! За ним и в полночь хоть на край света пойдешь.

— Ее случайно звали не Наташей Смирновой?

— Нет, но какая разница.

— А в какой супермаркет она выскочила?

— В какой, в какой? В ваш! Он у вас один на всю округу круглосуточный.

— Но там же охрана.

— Глупая! Охрана — внутри, а женщина пропала на улице. Купила сигареты, вышла и как в воду канула.

— Откуда ты знаешь?

— По телевизору рассказывали. Что у нас в стране делают по-настоящему хорошо и оперативно, так это информируют граждан обо всех преступлениях, несчастных случаях и катастрофах. Тут нам равных нет!

Домой они ехали на Ольгином «Москвиче» и в подъезд входили с большой опаской. К счастью, кроме старухи и ватаги мальчишек, по пути им никто не встретился. Ольгина сестра Ксюша лежала на диване, уткнувшись лицом в подушку, и рыдала. На полу рядом с ней сидела маленькая дворняжка Клипса и подвывала, задрав морду кверху.

— Привет! — сказала Наташа Ксюшину за тылку и, извернувшись, отвязала от себя подушку. — Как дела?

— У-у-у! — слышалось в ответ.

— Ксюшка, прекрати сейчас же! — рывкнула

Ольга и бросила сумку под вешалку. — Подумаешь, свидание! Вон за Натальей убийцы охотятся, она же не воет.

Ксюша немедленно перестала рыдать и села — встрепанная, несчастная, с красными щеками. Вокруг ее головы был обмотан платок, завязанный на макушке бантиком. Однако даже в таком виде она была до невозможности хорошенькой.

— Ну да? — спросила она, уставившись на Наташу. — Это правда? Тебя хотят пришить?

— Правда, — вздохнула та. — Поэтому я сегодня здесь. Домой ехать боюсь. В нашем районе орудует какой-то маньяк — прикончил уже двух Наташ Смирновых. А в наличии всего три — я последняя осталась. Это мне Петька Шемякин рассказал, а он всегда держит руку на пульсе.

— Одноклассник ваш? — уточнила Ксюша. — Репортер? А он не предложил тебя защитить? Подставить плечо?

— Он знает, что я не согласилась бы, — отмахнулась Наташа. — Кроме того, у него работа напряженная, он целый день в бегах. Да и вообще... Шемякин не тот человек.

— Да, — вздохнула Ксюша. — В наше время найти приличного мужика — все равно что напасть на золотую жилу. Эту жилу можно потом много лет разрабатывать... покуда она не иссякнет. Отсюда такая прорва старательниц. А тот тип, с которым у тебя была любовь?

— Сбежал, — коротко ответила Наташа.

Ксюша немедленно воодушевилась, забралась на диван с ногами и прижала к себе вертлявую

Клипсу. В ее влажных синих глазах вспыхнул огонь.

— Вот и у меня — горе, — объяснила она. — Ольга не понимает! Я четыре месяца с одним мужчиной в Интернете дружила. По всем показателям — просто песня, а не мужик! Роман Ерискин. Я его подцепила на крючок и уже вела на удочке к борту своей лодки, уже подсекла...

— Как это? — сердито спросила Ольга, передеваясь в халат.

— Он предложил мне встретиться, вот как! — выпалила Ксюша. — Мы обговариваем все детали, трепещем в предвкушении необыкновенной встречи и тут... На меня нападает отит! В ухе стреляет, температура, я вся горю, меня знобит... Какое тут, скажите на милость, свидание?

— Я даже рада! — хмуро заявила Ольга. — Как можно за глаза договариваться, Ксюша? Может, он извращенец? Или ученик шестого класса школы номер триста пять? Или вообще — женщина! У меня в бюро Сева Швердинский тоже одно время увлекался электронным флиртом. Целую декаду переписывался с какой-то Джернервой Ю-11. Это у нее кличка такая была в сети. Потом он назначил ей встречу, купил цветы, конфеты, и оказалось, что эта Джернерва Ю-11 — студент мехмата. Но Сева на этом не успокоился и завел новый виртуальный роман. Как только нашел очередную родственную душу — затребовал фотографию. Девица на снимке ему понравилась, и он опять купил цветы, конфеты и шампанское.

— И что? — хихикнула Ксюша.

— Его родственная душа оказалась теткой пя-

тидесяти пяти лет, обремененная невестками, внуками и хроническими болезнями. Фотографию она прислала двадцатилетней давности, и Сева с ней по этому поводу чуть не подрался.

— Но у нас-то с Романом все по-настоящему! — гневно воскликнула Ксюша. Сунула руку под подушку, достала распечатанный на принтере снимок и протянула сестре. — Вот. Видишь, дата проставлена при съемке? Прошлый месяц этого года, никакой подделки.

Ольга с брезгливой физиономией поглядела на фотографию и протянула ее Наташе, заметив:

— Хлыщ.

На снимке был изображен прилизанный брюнет с большим, но довольно приятным лицом и широкой улыбкой, которая подпирала щеки, отчего его глаза делались похожими на щелочки.

— У него пробор, как у Рудольфа Валентино, — заметила Наташа.

— Надеюсь, ты не послала ему в ответ ту свою фотографию в бикини? — сердито спросила Ольга, отправляясь на кухню разбирать сумку с продуктами.

— Не-ет, — заныла Ксюша. — Я хотела сделать ему сюрпри-из... Я ведь знаю, что я симпатичная! Вот бы он обалдел, когда увидел! А теперь... У-у-у!

— Ау-у-у! — подхватила Клипса, и Ксюша в порыве благодарности прижала собаку к груди.

— Но можно же, в конце концов, перенести встречу, — резонно заметила Наташа. — Договорись с ним на следующие выходные.

— На следующие будет неинтересно! — шмыгнула носом Ксюша. — Никакой романтики. Сей-